

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Упорядочивая хаос: научный классификатор как инструмент порядка

Научная статья

УДК 001

doi: 10.17223/1998863X/87/20

КЛАССИФИЦИРОВАТЬ И ИЗМЕРЯТЬ: К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КЛАССИФИКАТОРОВ НАУКИ

Евгений Валерьевич Масланов

*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории
и философии науки», Москва, Россия, evgenmas@rambler.ru*

Аннотация. В статье исследуется роль классификаторов наук в структурировании научного знания. Показано, что передовые исследования могут отличаться дисциплинарной неопределенностью. Предложено использовать метафору «коллапса волновой функции» как механизма фиксации принадлежности к дисциплине при помощи научных классификаторов. Подчеркивается двойная функция классификаторов: как карты и механизма нанесения информации на нее.

Ключевые слова: научный классификатор, классификации, коммуникативная структура науки, коллапс волновой функции, социальная эпистемология

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) в Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки»

Для цитирования: Масланов Е.В. Классифицировать и измерять: к вопросу об использовании классификаторов науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 230–238. doi: 10.17223/1998863X/87/20

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Ordering chaos: The scientific classifier as a tool for order

Original article

CLASSIFY AND MEASURE: ON THE USE OF SCIENTIFIC CLASSIFIERS

Evgeniy V. Maslanov

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
evgenmas@rambler.ru*

Abstract. This article examines the role of scientific classifiers in structuring scientific knowledge and shaping the disciplinary organization of science. The author analyzes the epistemological foundations of classification systems, arguing that their significance lies not in whether they reflect a structure of natural kinds or the communicative architecture of scientific knowledge. Instead, the analysis emphasizes that classifiers do not merely reflect reality but actively construct the system of science by establishing the frameworks for scientific communication. Particular attention is paid to the problem of disciplinary uncertainty in frontier research. Using the example of the Belousov-Zhabotinsky reaction, the article demonstrates how discoveries originating within one discipline can be initially linked to ideas and problems from another, illustrating the migration of problems and results across disciplinary boundaries. In this context, the classifier functions as a mechanism for the initial assignment of a result to a specific discipline. This process is illustrated by the metaphor of the “collapse of the wave function”. A scientific result produced in a frontier area possesses potential affiliations with multiple disciplines, yet for its formal recognition and communication, it must be correlated with a single one. This choice is made by the scientist or research group, with the classifier acting as a “measurement device” that fixes the result within a specific disciplinary cell, thereby “collapsing” the spectrum of possible disciplinary affiliations into one definitive assignment. The author ultimately reveals the dual function of scientific classifiers. They can be viewed as a map on which society and the scientific community navigate, with scientific fields and disciplines charted upon it. Simultaneously, the classifier acts as the tool used to plot these very achievements onto the map of science.

Keywords: scientific classifier, classifications, communicative structure of science, collapse of the wave function, social epistemology

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183: Taxonomies in the Ontological, Methodological and Disciplinary Structures of Science.

For citation: Maslanov, E.V. (2025) Classify and measure: on the use of scientific classifiers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 87. pp. 230–238. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/20

Вопрос о роли классификаций и классификаторов имеет несколько изменений. Одно из них связано с попыткой с их помощью зафиксировать определенное описание мира. Интуитивно очевидным кажется, что мир должен существовать не в хаосе, а быть определенным образом упорядоченным. В нем есть последовательности событий, связи причин и следствий, объекты, которые соотносятся друг с другом. Эта уверенность может быть наследием нашего прошлого культурного опыта, возведена к идее о том, что мир в какой-то момент был сотворен внешними по отношению к нему силами, опираться на представления о том, что у нас есть механизм упорядочивания нашего опыта, который и формирует это устойчивое восприятие мира, или базироваться на идее о субстанции, которая каким-то образом существует и определяет наше восприятие. Хорошая классификация описывает упорядоченную и взаимосвязанную структуру мира; плохая создает нагромождение из случайно объединенных категорий, как классификация животных, описанная в одном из рассказов Х.Л. Борхеса [1].

В этом случае классификация научных дисциплин опирается на выделенные при помощи научного анализа структурные элементы мира – естественные виды. Они обладают независимым от человека существованием и являются базовыми «кирпичиками» устройства мира. Различные науки как раз и связаны с работой с такими объектами. Принадлежащие к одной группе описывают одни естественные виды, а к другой – другие. Эти дисциплинар-

ные единства фиксируются как в научной практике, так и в научных классификаторах. Именно поэтому мы можем говорить, например, о физических, химических, инженерных или социальных науках. Подобное описание механизма формирования научного классификатора страдает некоторыми недостатками. «Доступ» к «реальному» устройству мира затруднен лингвистическими, культурными, социальными, техническими и иными факторами. Можно говорить и о том, что выделение естественных видов может быть связано не только с их «обнаружением», но и группировкой под определенной «этикеткой». При этом неясно, насколько один вид, которым занимается наука, более или менее естествен, чем другой. Можно ли говорить о том, что молекулы, которыми занимаются химики, менее или более естественны, чем атомы, которыми занимаются физики? Это просто «этикетки», которые мы используем при построении и проверке концептуальных схем и которые в процессе работы с ними обнаруживают свою реальность, или это абсолютно не зависящие от человека сущности [2, 3]? Вспомним пример из работы Томаса Куна «Структура научных революций», когда на вопрос о том, является ли атом гелия молекулой, химик отвечает, что он является молекулой, так как ведет себя в соответствии с теорией газов. Физик же отвечает, что он не является молекулой, так как не имеет молекулярного спектра. Т. Кун отмечает, что взгляды этих ученых несоизмеримы [4]. Каждый из них занимается исследованием собственного «естественного вида». В результате встает вопрос о том, что, возможно, подобные «естественные виды» образуются в процессе коммуникации и развития научной дисциплины [5]. Тогда не так важно, отражают ли они какие-то «реальные» естественные виды или просто позволяют нам поддерживать коммуникационное единство и говорить об одних и тех же объектах. Ведь вопрос о том, что в действительности встречается в природе, сам по себе достаточно сложен и, вероятно, что лучшим аргументом в пользу реальности чего-либо является возможность это использовать [2].

В этом случае роль классификатора науки можно уподобить карте, которая размечает поле уже завершенных научных исследований и демонстрирует, к какой научной области принадлежит тот или иной научный результат и ученый. Для научного исследования он носит второстепенный характер и используется просто для коммуникации с внешними по отношению к науке агентами – научными фондами, государством, обществом, корпорациями. Примером такого способа упорядочивания научных дисциплин может выступать классификация наук, используемая научными фондами. Она решает задачи объединения научных дисциплин в группы с целью выделения исследовательских областей, обладающих приоритетом для финансирования. Поэтому, например, в одну категорию классификатора могут быть объединены все гуманитарные и общественные науки, а естественные науки разделены на несколько независимых блоков классификатора.

На роль классификаторов научных дисциплин можно посмотреть немного иначе. Для этого сначала надо обозначить определенную перспективу описания научных дисциплин. Ведь именно они потом попадут в научный классификатор. Остановимся на описании научных дисциплин и парадигм, предложенном Т. Куном [4]. В этом случае любое исследование осуществляется в рамках парадигмы конкретной науки, оно решает задачи-головоломки,

занимается ее уточнением. Химик работает в химической парадигме, физик – в физической и т.д. Можно выделить парадигмы не таких больших исследовательских доменов, а частных научных дисциплин. Стоит говорить не о парадигме физики вообще, а о парадигме квантовой механики, гидродинамики, физики твердого тела. Все они в чем-то похожи, но и отличаются друг от друга. Подобные научные единства как раз отражаются в научном классификаторе. Каждая большая дисциплина-домен делится на меньшие по размеру. Конечно, в классификатор попадают не все дисциплины, а только те, которые уже получили свой институциональный статус и признаны как различными коллективами ученых, так и другими институциональными агентами. Но в этом случае стоит говорить о том, что еще не попавшие в него дисциплинарные единства включены в уже существующие. Освоение каждой из парадигм происходит в процессе обучения, научной социализации. Она как раз и связана с тем, что будущий ученый начинает рассматривать ее не просто как внешнее ограничение, а как важный элемент научной работы. Парадигмы выступают теми условиями, правилами, которые как определяют деятельность ученого, так и делают ее возможной. В результате благодаря ей происходит и процесс освоения, и интериоризации связанных с ней установок и представлений о месте собственной научной дисциплины в науке и ее связи с другими дисциплинами. Классификаторы науки как раз и описывают это положение дел, хотя разные классификаторы делают это с разных позиций.

Движение исследователей из одной парадигмы в другую оказывается маловероятным. Ведь они несоизмеримы. Конечно, при решении сложных междисциплинарных задач и проблем возможны попытки целенаправленного или стихийного формирования междисциплинарного единства. Например, подобные исследования могут приводить к формированию зон обмена [6, 7]. В них возможно достижение взаимопонимания не только между представителями различных эпистемических культур в рамках одной научной дисциплины, например, между теоретиками, экспериментаторами и создателями оборудования, но и между представителями отдельных научных дисциплин. Формирование подобного единства всегда является сложной задачей, а после достижения необходимого результата представители различных дисциплин могут вернуться к своим привычным исследованиям.

Однако иногда возникают достаточно странные ситуации. К примеру, исследования, которые идут на самом переднем крае науки, могут обладать дисциплинарной неопределенностью. Они решают проблемы, на которые еще нет ответа, могут создавать новые методы, формировать исследовательские повестки будущего. После достижения результатов они окажутся включены в одну из дисциплин или создадут новую, но в процессе непосредственного научного поиска они могут находиться в дисциплинарной неопределенности. Подобные работы не всегда хорошо вписываются в дисциплинарную систему науки. Они формируются, когда происходит «разрыв» традиции. Квантовая механика открыла новый фронт в исследованиях. Методы, которыми работали ученые с квантовыми объектами, получали новую интерпретацию, создавались оригинальные подходы к описанию мира [8]. Никакой квантовой механики до ее формирования еще не существовало как научной дисциплины и парадигмы, она только потом

могла приобрести свою определенность и распространить свои методы на различные научные дисциплины. Можно отметить, что в момент «крушения мира» старой науки, конечно, ученым не всегда есть дело до строгого дисциплинарного деления – оно будет создано лишь потом. Но существуют и менее драматичные примеры.

Остановимся на открытии и описании реакции Белоусова–Жаботинского. Это автоколебательная реакция. В ней жидкость меняет цвет с определенной периодичностью. В результате одного из экспериментов в 1951 г., а именно окисления лимонной кислоты броматом калия в кислотной среде в присутствии катализатора, Б.П. Белоусов обнаружил автоколебания. Течение реакции менялось со временем, что проявлялось периодическим изменением цвета раствора от бесцветного к желтому и обратно. Это было достаточно интересное и неожиданное открытие. К сожалению, два советских химических журнала отказались публиковать посвященную ему статью. Она была опубликована в сокращенном варианте в «Сборнике рефератов по радиационной медицине» Академии химической защиты, который не был известен широкому кругу читателей. При этом колебательные процессы привлекали внимание физиков и математиков, интересующихся автоколебаниями, биологией и биофизикой. В 1952 г. А. Тьюринг в статье «Химические основы морфогенеза» показал, что сочетание химических колебаний с диффузией молекул может приводить к появлению устойчивых пространственных структур, где области высоких и низких концентраций регулярно чередуются [9]. Физико-химическую модель реакции, открытой Белоусовым, построил А.М. Жаботинский, советский и американский физик и биофизик. Исследования он начал в аспирантуре в 1961 г. под руководством тогда еще кандидата биологических наук С.Э. Шноля на кафедре биофизики Физического факультета МГУ. А.А. Печенкин отмечает, что для исследования этой реакции Жаботинский использовал подходы, характерные для школы изучения автоколебаний Л.И. Мандельштама и А.А. Андропова-старшего [10]. Можно было бы сказать, что в этом случае мы имеем дело с миграцией задачи-головоломки из одной науки – химии, в другую – физику. Но это как раз и демонстрирует, что исследования на переднем крае науки даже в хорошо парадигмально очерченных областях могут совершать подобные «миграции». Существует возможность использовать результаты, методы, задачи и подходы из одной парадигмы в другой. Еще не известна конечная конфигурация; все полно неопределенности; еще совсем не ясно, что может помочь в исследовании, а что будет отвергнуто.

Этот пример показывает сложность реальной научной практики, когда специалисты из разных дисциплин могут решать общие задачи и проблемы, пусть и ориентируясь на собственные парадигмальные основания. В этом случае для прояснения роли классификаторов науки мы обратимся к одной идее, позаимствованной из естественных наук, которую мы, конечно, будем использовать как метафору, – коллапсу волновой функции. Она предполагает, что в процессе решения квантово-механических уравнений у нас есть пул «результатов», некоторая волна вероятности нахождения квантово-механического объекта в определенном состоянии. Типичным, хотя и не совсем точным, популярным примером подобной ситуации выступает мысленный эксперимент с «котом Шредингера». Кот находится в коробке рядом с

отравляющим веществом, которое может быть распылено при условии, что фотон, испускаемый экспериментальной установкой, пройдет через полупрозрачное зеркало; если же фотон отразится от него, то яд распылен не будет. В момент попадания фотона на зеркало и нашего знакомства с результатом происходит измерение – «коллапс волновой функции» этой системы, и она переходит в определенное состояние. Кот теперь либо жив, и тогда он не мертв; либо мертв, и тогда он не жив. «Измерение» приводит к исчезновению суперпозиции состояний [11]. Существует дискуссия о том, является ли коллапс волновой функции просто математическим приемом, обладает ли он реальным физическим смыслом или существует ли вообще [12, 13]. Для нас это не играет принципиальной роли, ведь мы используем эту идею как метафору, которая показывает, что измерение приводит квантово-механическую систему к какому-то определенному состоянию.

Эта метафора нужна нам для того, чтобы отметить: научный классификатор оказывается инструментом, который не просто фиксирует состояние дел в науке. Он выступает своего рода «измерительным прибором», который «схлопывает» научный результат в пространстве научного знания, относя его к одной из научных дисциплин. Он позволяет разместить результат в дисциплинарной структуре науки. Конечно, эта процедура происходит не по маговению волшебной палочки и не сводится к автоматическому использованию классификатора. Ее осуществляют сами ученые. Как мы уже отмечали, научная социализация предполагает освоение определенных идей, характерных для каждой дисциплины, которые могут быть описаны как свойственная ей парадигма. В процессе исследования ученым, возможно, и не так важно, с какой дисциплиной связана их работа, тем более, что в большинстве случаев это изначально ясно. Задуматься над этим вопросом приходится лишь после получения значимых результатов на переднем крае науки. После этого они вступают во взаимодействие с коллегами. Если ученые, близкие к научной группе, получившей прорывные результаты, могут «закрывать глаза» на «измерение» результата с помощью классификатора, то другие коллеги никогда не узнают о нем без такой «дисциплинарной» фиксации. Хотя бы потому, что результат должен быть представлен на конференции, в тезисах или статье. И то, где это будет сделано, может многое предопределить в развитии исследовательской траектории научной группы. Именно усвоенные через научную социализацию представления о парадигме дисциплины, ее связях с другими науками, т.е. элементы системы классификации, позволяют научной группе определить способы репрезентации своих результатов и поместить их в соответствующую «ячейку» системы науки.

При этом наука существует не только в рамках внутренних дискуссий и взаимодействий между учеными. В последнее время ей все чаще приходится вступать в коммуникацию с обществом. Используемый учеными классификатор наук позволяет упорядочить многообразие научных результатов и снизить их неопределенность для общества. Научные результаты оказываются связаны с конкретными дисциплинами, получают свою «регистрацию». Важно отметить, что развитие дисциплинарной структуры научного знания было обусловлено и формированием системы государственной подготовки научных кадров. Например, в период после Французской революции были созданы Высшая нормальная школа и Высшая политехническая школа, готовив-

шие элиту французского общества, а также другие учреждения, нацеленные на быструю подготовку специалистов по отдельным дисциплинам. И те и другие предполагали «дисциплинированное» обучение знаниям, которые постепенно закреплялись через образовательный процесс и самоидентификацию обучаемых [14]. Благодаря этому классификация наук начинает неявно присутствовать в процессе подготовки и определения области, к которой может быть отнесен научный результат, что упрощает поиск возможных сфер его применения.

В результате классификация наук, отраженная в научном классификаторе, выполняет роль измерительного инструмента дважды: для самих ученых и для внешних по отношению к науке групп. Во-первых, при его помощи ученые проводят редукцию волновой функции научного поиска относительно способов, места и языка разговора о новом открытии. Это позволяет им поместить научные результаты в систему репрезентации научных дисциплин, что может как поддерживать, так и расширять коммуникативную систему науки. В этом случае роль классификатора может быть описана на языке системно-коммуникативной теории Н. Лумана [15]. Он очерчивает внутренний мир системы науки и позволяет включать в него способы и механизмы коммуникации, которые теперь могут по-новому кодировать определенное знание о реальности. Во-вторых, классификатор помещает результат в поле науки, создавая для научной группы возможности для перепредопределения статуса различных исследователей в нем [16]. Благодаря этому научная группа может участвовать в социальных взаимодействиях, связанных с попытками получить финансирование через программы, государственное задание, поиск спонсоров, репрезентацию полученных результатов широкой публике. В итоге можно констатировать, что классификатор наук – это не только карта научных дисциплин, но и инструментарий размещения научных результатов в ней.

Список источников

1. Борхес Х.Л. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2: Произведения 1942–1969 годов. СПб. : Амфора : ТИД Амфора, 2011. С. 416–420.
2. *Hacking I.* Representing and Intervening. Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1983. 287 p.
3. *Latour B.* Science in Action. How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1987. 274 p.
4. *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago : University of Chicago Press, 1962. 264 p.
5. Антоновский А.Ю. «Виды природы» и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, № 1. С. 22–38.
6. *Galison P.* Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago and London : The University of Chicago Press, 1997. 955 p.
7. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 8–17.
8. Милантьев В.П. История возникновения квантовой механики и развитие представлений об атоме. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
9. Жаботинский А.М. Предисловие редактора перевода // Колебания и бегущие волны в химических системах / ред. Р. Филд, М. Бургер ; пер. с англ. А.Б. Ровинского, А.Р. Федькиной. М. : Мир, 1988. С. 5–13.
10. Печенкин А.А. Реакция Белоусова–Жаботинского как аргумент в дискуссии о сути бытия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2012. № 1. С. 28–40.
11. Иванов М.Г. Как понимать квантовую механику. Москва ; Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2012. 516 с.

12. Менский М.Б. Квантовая механика: новые эксперименты, новые приложения и новые формулировки старых вопросов // Успехи физических наук. 2000. Т. 170, № 6. С. 631–648.
13. Липкин А.И. Существует ли явление «редукция волновой функции» при измерении в квантовой механике? // Успехи физических наук. 2001. Т. 171, № 4. С. 437–441.
14. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. 240 с.
15. Луман Н. Истина. Знание. Наука как система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2016. 410 с.
16. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / отв. ред. пер., сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

References

1. Borges, J.L. (2011) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collection of Works: in 4 vols]. Vol. 2. Translated from Spanish. St. Petersburg: Amfora; TID Amfora.
2. Hacking, I. (1983) *Representing and Intervening. Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
3. Latour, B. (1987) *Science in Action. How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
4. Kuhn T. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Antonovsky, A.Yu. (2025) “Vidy prirody” i kommunikativnye izmereniya distsiplinarnoy differentsiatsii [“Natural kinds” and communicative dimensionsof disciplinary differentiation]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 62(1). pp. 22–38. (In Russian).
6. Galison, P. (1997) *Image and Logic: A Material Culture of Microphysics*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
7. Kasavin, I.T. (2017) Zony obmena kak predmet sotsial'noy filosofii nauki [Trading zones as a subject-matter of social philosophy of science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 51(1). pp. 8–17. (In Russian).
8. Milantiev, V.P. (2009) *Istoriya vozniknoveniya kvantovoy mekhaniki i razvitiye predstavleniy ob atome* [The History of the Emergence of Quantum Mechanics and the Development of Ideas about the Atom]. Moscow: LIBROKOM.
9. Zhabotinsky, A.M. (1988) Predislovie redaktora perevoda [Preface of the translation editor]. In: Field, R. & Burger, M. (ed). *Kolebaniya i begushchie volny v khimicheskikh sistemakh* [Oscillations and Traveling Waves in Chemical Systems]. Translated from English by A.B. Rovinsky, A.R. Fedkina. Moscow: Mir. pp. 5–13.
10. Pechenkin, A.A. (2012) Reaktsiya Belousova–Zhabotinskogo kak argument v diskussii o suti bytiya [The Belousov–Zhabotinsky’s reaction as an argument in the discussion about the essence of being]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 1. pp. 28–40.
11. Ivanov, M.G. (2012) *Kak ponimat' kvantovuyu mekhaniku* [How to understand quantum mechanics]. Moscow; Izhevsk: Regul'yarnaya i khaoticheskaya dinamika.
12. Menskiy, M.B. (2000) Kvantovaya mekhanika: novye eksperimenty, novye prilozheniya i novye formulirovki starykh voprosov [Quantum mechanics: New experiments, new applications, new formulations]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*. 170(6). pp. 631–648.
13. Lipkin, A.I. (2001) Sushchestvuet li yavlenie «reduktsiya volnovoy funktsii» pri izmerenii v kvantovoy mekhanike? [Does the phenomenon of “wave function reduction” exist during measurements in quantum mechanics?]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*. 171(4). pp. 437–441.
14. Sokuler, Z.A. (2001) *Znanie i vlast': nauka v obshchestve moderna* [Knowledge and Power: Science in Modern Society]. St. Petersburg: RKHGI.
15. Luhmann, N. (2016) *Istina. Znanie. Nauka kak sistema* [Truth. Knowledge. Science as a System]. Translated from German by A. Antonovsky. Moscow: Logos.
16. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteyya.

Сведения об авторе:

Масланов Е.В. – кандидат философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: evgenmas@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maslanov E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: evgenmas@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025*